

УДК 340:37
ББК 67:05

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОСПИТАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В.А. Рудковский

Статья посвящена анализу актуальных проблем правового воспитания как одного из основных направлений деятельности демократического государства. Обосновывается необходимость формирования правовоспитательной политики в современной России.

Ключевые слова: правовое воспитание, культурно-воспитательная функция, правовоспитательная политика, правовое государство, правовая политика.

Проблема правового воспитания занимает умы мыслящей части человечества многие столетия. Без преувеличения можно сказать, что это одна из «вечных» проблем социально-философской и политико-правовой мысли. К ней обращались Платон, Аристотель, Фома Аквинский, Т. Гоббс, Ж.Ж. Руссо, И.А. Ильин, П.Н. Новгородцев и многие другие выдающиеся мыслители разных времен и народов. Ее значение в правовом становлении личности и общества можно проиллюстрировать словами известного отечественного правоведа В.С. Нерсисянца: «Право – это не культурный плод на диком дереве, а плод окультуренного дерева. Поэтому людям и народам, возжелавшим вкусить такой редкий плод, надо в трудах и муках, упорно и настойчиво, осознанно и терпеливо возделывать в себе, для себя и у себя свой сад правовой культуры, растить свое дерево свободы. Чужими плодами здесь сыт не будет» [13, с. 43].

Правовое воспитание является органичной частью социального воспитания и реально существует (и осуществляется) в неразрывном единстве с воспитанием нравственным, политическим, эстетическим и иными формами. В науке оно определяется как пла-

номерный, управляемый, организованный, систематический и целенаправленный процесс воздействия на сознание субъектов правовой жизни всей совокупностью правовоспитательных форм, средств и методов с целью формирования глубоких и устойчивых правовых знаний, убеждений, потребностей, ценностей, привычек правомерного поведения [2, с. 488].

Назначение правового воспитания состоит в ликвидации юридической неграмотности, преодолении правового нигилизма и прочих правовых деформаций, формировании у субъектов общественных отношений так называемого «нормального правосознания», способного, как писал И.А. Ильин, «предметно и верно переживать право в его основной идее и в его единичных видоизменениях (институтах)» [8, с. 166]. Поскольку качество правовой жизни общества находится в прямой зависимости от состояния правосознания его членов, современные цивилизованные государства серьезно озабочены необходимостью создания эффективной системы правового воспитания населения страны и используют самые разнообразные формы и средства правовоспитательной работы [6, с. 123].

Что касается современного Российского государства, то оно ведет себя в вопросах правового воспитания весьма пассивно. По оценке отечественных юристов, из двенадцати направлений правовой реформы, которые определены Указом Президента РФ «О разработке концепции правовой реформы в Российской

Федерации», развитие системы правового воспитания, в том числе юридического образования и юридической науки, находится на предпоследнем, одиннадцатом, месте по эффективности осуществления [15, с. 11]. Вместе с тем ясно, что без серьезных перемен на этом направлении трудно ожидать каких-то существенных продвижений в решении других политико-правовых задач, стоящих перед российским обществом. Учитывая это, особую остроту и актуальность приобретает вопрос о культурно-воспитательной (идеологической) функции современного Российского государства. Его суть заключается в следующем: должно ли современное демократическое правовое государство решать культурно-воспитательные задачи или же их осуществление должно быть передано другим, негосударственным институтам?

Значимость указанной проблемы становится особенно очевидной в контексте широко обсуждаемого в современной отечественной и западной литературе вопроса о так называемой приватизации государственных функций. «На современном этапе, – отмечает Э.В. Талапина, – приватизация материальных благ переродилась в приватизацию самого государства, в передачу его функций частным субъектам. Приватизация, в свою очередь, – один из постулатов свободного рынка, идея которого в самом либеральном варианте предполагает полное устранение государства из экономической сферы, отказ от государственного вмешательства в экономику» [18, с. 238].

Речь, однако, идет не только об экономической деятельности. Вопрос ставится гораздо шире и касается всех сфер функционирования государства. Какие задачи должны быть отнесены к государственным в современных условиях? Какого-то единого мнения по данному вопросу не существует. В немецкой литературе, например, предлагается три варианта его решения. Согласно первой позиции, основанной на принципе всеобщности, любая общественно важная задача должна быть отнесена к государственной и реализована в публично-правовом порядке. Вторая точка зрения основана на принципе исключительности – общественно значимая задача может быть отнесена к категории государственной только в том случае, если она не

может быть реализована институтами гражданского общества. Наконец, третий подход базируется на принципе subsidiarности. Его суть в том, что государство решает те задачи, которые отдельный гражданин или группа граждан не в состоянии решить самостоятельно [4, с. 73].

В отечественном правоведении также нет концептуальной ясности относительно того, что неподведомственно государственным институтам и, напротив, что должно находиться в их непосредственном ведении [20]. Стремление к максимальному ограничению государственных функций присуще сторонникам либеральной концепции. В ее основе лежат следующие постулаты: у современного государства нет таких экономических и социальных функций, которые частный бизнес не смог бы осуществлять лучше; приватизация государственных функций отвечает интересам общества, потому что только предприниматели, а не чиновники, способны сделать общество богатым; конкуренция между частными организациями будет более успешно решать задачи социального контроля, которые лежат на государстве [11, с. 492].

В нашей науке и политической практике подобные воззрения были особенно популярны в 90-е годы. Их притягательность в значительной мере объяснялась негативными последствиями практики тотального вмешательства Советского государства во все сферы общественных отношений, в том числе в вопросы воспитания. Как известно, воспитание человека коммунистического общества рассматривалось в числе главных задач социалистического общенародного государства, что находило свое отражение в Основном законе СССР. Культурно-воспитательные задачи и функции в сфере нравственного, эстетического, политического, правового воспитания возлагались на трудовые коллективы, общественные организации, органы государства. Так, ст. 2 Закона СССР о прокуратуре СССР «Задачи прокуратуры» закрепляла положение: «Всей своей деятельностью прокуратура способствует воспитанию должностных лиц и граждан в духе добросовестного исполнения своих конституционных обязанностей, соблюдения законов и правил социалистического общества» [9, с. 293].

В атмосфере резко отрицательного отношения к советскому наследию, которое ассоциировалось с тоталитаризмом и прочими негативными явлениями, был сделан, в частности, вывод о том, что культурно-воспитательная (идеологическая) функция несовместима с принципами демократического правового государства. «Она вообще становится излишней как направление деятельности правового государства. По моему мнению, – отмечал, в частности, А.Б. Венгеров, – этой сферой должно заниматься гражданское общество» [5, с. 101].

В итоге указанная функция, образно выражаясь, «повисла в воздухе», ибо государство фактически сняло с себя ответственность за данную сферу деятельности, а гражданское общество было попросту не готово взять ее на себя. Едва ли не единственным субъектом, в отношении которого Конституция РФ 1993 г. использует термин «воспитание», оказалась российская семья – самый незащищенный в постсоветский период социальный институт. «Забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей» (ст. 38 п. 2 Конституции РФ). Общая тенденция такова, что функция воспитания в постсоветской России стала восприниматься в качестве преимущественно «приватного» дела. На практике такой подход, как известно, привел к весьма плачевным последствиям.

В настоящее время крайности «либерального» периода постепенно преодолеваются, а его последствия оцениваются научным сообществом и некоторыми государственными деятелями весьма критично. «Стремясь в начале 90-х гг. прошлого века обеспечить необходимый для либеральных социально-экономических трансформаций “прирост свободы”, реформаторы пошли по пути максимального сокращения функций государства. Потребовались годы потрясений и огромные страдания людей, чтобы понять: любые реформы вне рамок четко работающих, сильных государственных институтов чаще всего проваливаются» [17, с. 11].

На необоснованность претензий неолбералов представить в качестве основного, если не единственного, регулятора социального развития «стихийный рыночный механизм», обращает внимание М.Н. Марченко.

Он, в частности, отмечает, что рынок сам по себе бессилён в решении многих экономических и социальных проблем. Рыночные механизмы абсолютно безразличны к проблемам экологии, бедности, нищеты, им не под силу решение долгосрочных стратегических задач. Рынку «чужды по самой его природе моральные и иные ценности, так же, как и общесоциальные и национальные интересы» [12, с. 30].

Тем не менее в литературе по теории государства и права, за редкими исключениями, культурно-воспитательная (идеологическая) функция по-прежнему не упоминается в числе основных функций современного демократического государства. Считается, что она является атрибутом исключительно тоталитарного государства, с присущей ему монополией государственной идеологии [1, с. 67]. Правда, это не мешает тем же авторам утверждать, что ведущим методом деятельности демократического государства является именно метод убеждения и воспитания, а также выделять в числе ведущих функций права функцию воспитания [там же, с. 162, 170]. Но можно ли серьезно говорить о воспитательной функции права в отрыве от качества и содержания правотворческой, правоприменительной и иной деятельности государства?

Глубинная причина такого положения, по видимому, лежит в общей недооценке того значения, которое имеет в жизнедеятельности общества и государства культурно-нравственный фактор. И в этой связи как никогда актуальны слова В.С. Соловьева: «Производительный труд, обладание и пользование его результатами представляют одну из сторон в жизни человека или одну из сфер его деятельности, но истинно человеческий интерес вызывается здесь только тем, как и для чего человек действует в этой определенной области. Как свободная игра химических процессов может происходить только в трупе, а в живом теле эти процессы связаны и определены целями органическими, так точно свободная игра экономических факторов и законов возможна только в обществе мертвом и разлагающемся, а в живом и имеющем будущность хозяйственные элементы связаны и определены целями нравственными, и провозглашать здесь *laissez faire, laissez passer* –

значит говорить обществу: умри и разлагайся!» [16, с. 296–297].

Культурно-воспитательная функция современного Российского государства должна быть увязана, в частности, с проблемами правовой социализации личности и различных социальных групп. Приобщение указанных субъектов к системе нравственно-правовых ценностей общества, формирование высокой правовой культуры, навыков социально-активного правового поведения является важнейшей предпосылкой правового прогресса в нашей стране. Ведь без соответствующей культуры и правосознания невозможны ни демократия, ни права и свободы человека, ни гражданское общество и т. д. Уже в силу этого современное государство не может занимать позицию стороннего наблюдателя в вопросах правового просвещения и воспитания граждан. Подобные попытки обоснованно критиковались еще на рубеже XIX–XX вв. [7, с. 262]. Они тем более несостоятельны в контексте конституционной модели социально-правового государства, согласно которой последнее берет на себя обязательство не только признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина (ст. 2 Конституции РФ), но и проводить политику, направленную на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (ст. 7 Конституции РФ). Очевидно, что к числу таких условий относится и соответствующий уровень культурного развития в стране.

У рассматриваемой проблемы есть и другая, не менее значимая, сторона. Суть ее заключается в том, что подлинное господство правовых ценностей предполагает не только правокультурную личность, но и правокультурное государство. И одна из серьезнейших проблем современной России – это состояние нравственной и правовой культуры субъектов власти. Социологические опросы федеральных служащих, в частности, показывают, что знание и использование ими норм законов колеблется в пределах 10–20 % [19, с. 5]. Такая ситуация, естественно, не только не способствует укреплению режима законности в деятельности государственного аппарата, но и оказывает негативное влияние на правовую атмосферу в стране в целом. «Правовой ни-

гилизм крупных государственных чиновников, – обоснованно отмечает А.С. Бондарев, – подобно крупным камням, сбрасываемым в водоемы, попадая в массовое правосознание российского общества, формирует в нем массовые, долго незатухающие круги неуважительного отношения к праву» [3, с. 141].

Преодоление указанных и некоторых других негативных тенденций настоятельно требует формирования научно обоснованной, опирающейся на гуманистические ценности и национальные традиции правовоспитательной политики, которая аккумулировала бы в себе наиболее значимые аспекты государственного руководства процессами правового воспитания в стране. Правовоспитательная политика, в частности, должна определять государственно-значимые приоритеты в сфере правового воспитания, ориентировать государственные органы, общественные организации, средства массовой информации и иные институты государства и гражданского общества на их проведение в жизнь; формулировать систему основных принципов взаимодействия государства, общества и личности в правовоспитательной сфере, осуществлять координацию указанной деятельности; выработать систему мер, направленных на стимулирование правовоспитательной деятельности в стране, совершенствование ее форм, методов и средств; формулировать научно обоснованные критерии эффективности правовоспитательной деятельности; обеспечивать единство правового информационного пространства, развитость правовых коммуникаций, доступность информации о проводимых в правовой системе преобразованиях, их целях и достигнутых результатах; решать другие задачи. Основная же цель правовоспитательной политики состоит в создании соответствующих правокультурных условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека в нашей стране.

В последнее время в указанной сфере наметились определенные позитивные сдвиги, свидетельствующие о стремлении руководства страны вывести работу по правому воспитанию на качественно новый уровень. Принципиальное значение с точки зрения государственно-правовой институционализации правовоспитательной политики имеет, в частности,

Указ Президента РФ от 28 апреля 2011 г., которым были утверждены «Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан» [14].

В указанном документе, в частности, отмечается, что «развитие правового государства, формирование гражданского общества и укрепление национального согласия в России требуют высокой правовой культуры, без которой не могут быть в полной мере реализованы такие базовые ценности и принципы жизни общества, как верховенство закона, приоритет человека, его неотчуждаемых прав и свобод, обеспечение надежной защищенности публичных интересов» (ст. 1).

«Основы...» определили базовые принципы, цели, направления и содержание государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан. Так, в качестве исходных принципов указанной политики провозглашены: законность; демократизм; гуманизм; взаимосвязь с патриотическим, трудовым, экологическим и другими видами воспитания на общей нравственной основе; обеспечение взаимодействия государства с институтами гражданского общества и конфессиями; соответствие закономерностям развития правового государства и гражданского общества; возможность финансового обеспечения реализации задач государственной политики за счет средств бюджетов всех уровней бюджетной системы Российской Федерации в сочетании с финансовой поддержкой на основе государственно-частного партнерства (ст. 13).

Ведущими целями рассматриваемой политики названы: формирование в обществе устойчивого уважения к закону и преодоление правового нигилизма; повышение уровня правовой культуры граждан, включая уровень осведомленности и юридической грамотности; создание системы стимулов к законопослушанию как основной модели социального поведения; внедрение в общественное сознание идеи добросовестного исполнения обязанностей и соблюдения правовых норм (ст. 14).

Позитивной чертой «Основ...» является попытка систематизировать факторы, оказы-

вающие влияние на формирование правовой культуры и «позитивного типа правосознания» (характер воспитания и моральный климат в семье, законопослушное поведение родителей; качественный уровень воспитания и обучения в образовательных учреждениях различного типа и вида, в том числе закрепление и развитие у учащихся основ правосознания; понятность, доступность и эффективность законодательства и др.) (ст. 12).

«Основы...», безусловно, не лишены и определенных недостатков. Обоснованным, в частности, представляется мнение А.В. Малько, что в них не уделено должного внимания правовому воспитанию государственных чиновников, хотя «в наших условиях махрового бюрократизма, когда правовой нигилизм наиболее опасен со стороны власть имущих, как раз их-то и надо было назвать четко и однозначно, причем в первую очередь» [10, с. 208].

Критической оценки, на наш взгляд, заслуживает также заложенная в «Основах...» общая ориентация государственной политики в сфере развития правовой грамотности и правосознания на законопослушание как некий эталон правокультурного поведения. В п. 3 ст. 14 прямо закреплено, что законопослушание должно стимулироваться государством в качестве «основной модели социального поведения». Указанный акцент детализирован в п. 4 той же статьи, где целью государственной политики провозглашено «внедрение в общественное сознание идеи добросовестного исполнения обязанностей и соблюдения правовых норм».

Подобная расстановка приоритетов, по нашему мнению, свидетельствует о недооценке государственной властью активностворческой сущности правосознания либо нежелании ею стимулировать развитие его активных потенций в современных условиях. Между тем известно, что прогресс в правовой сфере предполагает не просто законопослушную, а правоактивную личность, нацеленную не только на добросовестное исполнение обязанностей и соблюдение запретов, но и на инициативное использование своих личных, политических и иных прав и свобод. Важнейшей задачей правовоспитательной политики в условиях современной России, как

представляется, должно быть именно преодоление правовой пассивности граждан, внедрение в их сознание идеи социальной значимости правоактивного поведения. Лишь такое правосознание может служить надежной идейно-психологической основой режима прочной законности и правопорядка в нашем обществе и государстве.

Эффективное претворение в жизнь государственной политики, как известно, в качестве одного из неперенных условий предполагает четкое определение субъекта (субъектов), ответственного за ее осуществление. К сожалению, из содержания анализируемых «Основ...» не ясно, на какой государственной орган возложена ответственность за данное направление деятельности. Кто конкретно, в частности, будет осуществлять координацию деятельности и взаимодействия федеральных государственных органов, государственных органов субъектов Российской Федерации, муниципальных органов, а также институтов гражданского общества и конфессий при реализации указанных «Основ...» (ст. 21, п. 1)?

Сказанное, тем не менее, не умаляет значимости «Основ...» как важнейшего политико-правового документа, призванного придать новый импульс целенаправленной деятельности нашего государства и общества в сфере развития правовой грамотности и правосознания. «Основы...», думается, станут серьезным стимулом и для активизации соответствующих научных исследований, в частности, общетеоретических разработок в области правовоспитательной политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Байтин, М. И. Вопросы общей теории государства и права / М. И. Байтин. – Саратов : СГАП, 2006. – 400 с.
2. Баранов, П. П. Правосознание и правовое воспитание / П. П. Баранов // Общая теория права : курс лекций. – Н. Новгород : НВЖ МВД России, 1993. – С. 474–494.
3. Бондарев, А. С. Правовая антикультура в правовом пространстве общества / А. С. Бондарев. – Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2006. – 192 с.
4. Васильева, А. Ф. Делегирование государственных функций субъектам частного права / А. Ф. Васильева // Правоведение. – 2008. – № 2. – С. 72–76.
5. Венгеров, А. Б. «Несущие конструкции» правового государства / А. Б. Венгеров // Право и власть. – М. : Прогресс, 1990. – С. 96–112.
6. Вопленко, Н. Н. Очерки общей теории права : монография / Н. Н. Вопленко. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2009. – 898 с.
7. Еллинек, Г. Общее учение о государстве / Г. Еллинек. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. – 752 с.
8. Ильин, И. А. Теория права и государства / И. А. Ильин ; под ред. В. А. Томсинова. – М. : Зерцало, 2003. – 400 с.
9. Конституция СССР и развитие советского законодательства. – М., 1983.
10. Малько, А. В. Теория правовой политики: монография / А. В. Малько. – М. : Юрлитинформ, 2012. – 328 с.
11. Мальцев, Г. В. Социальные основания права / Г. В. Мальцев. – М. : НОРМА, 2007. – 800 с.
12. Марченко, М. Н. Государство и право в условиях глобализации / М. Н. Марченко. – М. : Проспект, 2009. – 400 с.
13. Нерсесянц, В. С. Философия права / В. С. Нерсесянц. – М. : НОРМА, 1997. – 652 с.
14. Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: news.kremlin.ru/news/11139 (дата обращения: 22.08.2012). – Загл. с экрана.
15. Соколов, Н. Я. Правовая реформа глазами юристов / Н. Я. Соколов // Государство и право. – 2006. – № 6. – С. 5–13.
16. Соловьев, В. С. Оправдание добра: Нравственная философия / В. С. Соловьев. – М. : Республика, 1996. – 479 с.
17. Степашин, С. В. Государственный аудит и экономика будущего / С. В. Степашин. – М. : Наука, 2008. – 608 с.
18. Талапина, Э. В. Реформы государственного управления: сравнительно-правовой анализ / Э. В. Талапина // Правоведение. – 2008. – № 2. – С. 237–240.
19. Тихомиров, Ю. А. Юридическое проектирование: критерии и ошибки / Ю. А. Тихомиров // Журнал российского права. – 2008. – № 2. – С. 3–9.
20. Хабибулин, Г. А. Интересы государства и его охранно-защитная функция / Г. А. Хабибулин, Г. Т. Чернобель // Журнал российского права. – 2008. – № 2. – С. 18–27.

**THEORETICAL AND PRACTICAL PROBLEMS OF THE FORMATION
OF THE LEGAL EDUCATIONAL POLICY IN MODERN RUSSIA**

V.A. Rudkovsky

The article is devoted to the analysis of the current problems of legal education as one of the fundamental lines of democratic state activities. The urgent necessity of forming legal educational policy is given by the author.

Key words: *legal education, cultural and educational function, legal educational policy, legal state, legal policy.*